

Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кordon-1

А. Л. Кунгуров, Д. В. Папин

The authors publish the materials of final bronze obtained from the archaeological complex Gonbinsky Kordon 1. The complexes of burial ground 5 and settlement 3 are introduced into research circulation. The former is represented by the Irmen culture, while the latter reflects the initial evolutionary stage of the Bolsherechensky culture dated to the period transitional from the Bronze Age to the Early Iron Age.

Малый Гоньбинский Кordon-1 (МГК-1) — крупный останец коренного правого берега р. Оби, расположенного напротив пригорода г. Барнаула, с. Гоньба. Размеры останца около 1 км по линии юг — север и 0,5–0,6 км по линии запад — восток (рис. 1, 1, 2). Первые находки были сделаны в 1977 г. А. Л. Кунгуровым и В. Б. Бородаевым. В этом же году провел обследование Ю. Ф. Кирюшин, раскопавший три погребения VI в. до н. э. В 1982 г. работы продолжены М. Т. Абдулганеевым и А. Л. Кунгуровым. В 1997 г. исследование комплекса возобновилось авторами статьи. Останец имеет подтреугольную форму, ориентированную острым углом на юг. Высота южной оконечности достигает 10 м, к северу она снижается до уровня поймы, поперек останца вытянуты гривы (запад — восток), разделенные лощинами. Памятники приурочены прежде всего к оконечностям грив, выходящих к краю останца в виде высоких мысов, так как глубина лощин здесь увеличивается (см. рис. 1, 2). В этом месте известны следующие археологические объекты: поселение 1 — III–II вв. до н. э.; могильник 1 — VI в. до н. э.; могильник 2 под поселением I (могилы одинцовской, староалейской и большереченской культуры); поселение 2 — V–III вв. до н. э.; могильник 4 — VI–V вв. до н. э.; поселение 3 — VIII в. до н. э.; могильник 5 — X–II вв. до н. э. (разновременный) [Кунгуров, 1998].

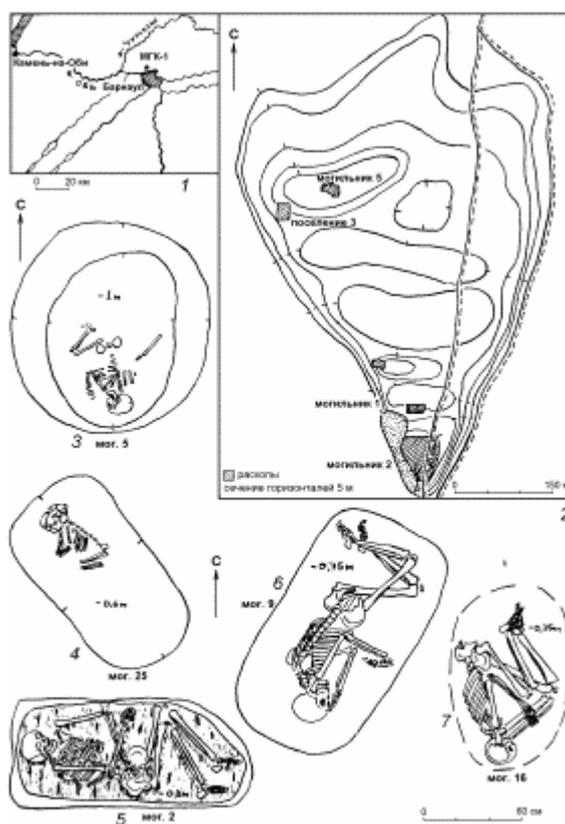

Рис. 1. Расположение МГК-1 (1, 2) и безынвентарные погребения могильников 1 (4), 2 (3, 5), 5 (6, 7).

Целью нашей статьи является введение в научный оборот материалов поселения 3 и могильника 5, полученных авторами в результате раскопок в 1997–1998 гг.

Могильник 5 МГК-1 обнаружен на крайней северной гриве останца размерами 400?100 м. Высота гривы от уровня поймы 12 м, от выделяющих ее лощин — 6 м (см. рис. 1, 2). Общая вскрытая

площадь составляет 332 кв. м. Зафиксированы комплексы погребений разных эпох, ритуальное сооружение, возможно, эпохи энеолита — ранней бронзы [Шмидт, 1998] и угол постройки (рис. 2). Ритуальное сооружение (см. рис. 2) представляет собой незамкнутый ров, охватывающий прямоугольник 5?5 м. Ширина рва 0,5–0,7 м, глубина от древней поверхности 0,3–0,6 м, в заполнении найдены мелкие фрагменты керамики, украшенные оттисками качалки, и кости диких животных (лось, косуля, сайгак), а также обломки позднебронзового сосуда (см. рис. 5, 14). Внутри и снаружи, рядом с сооружением, фиксировались мощные прокалы [Кунгуров, 1998].

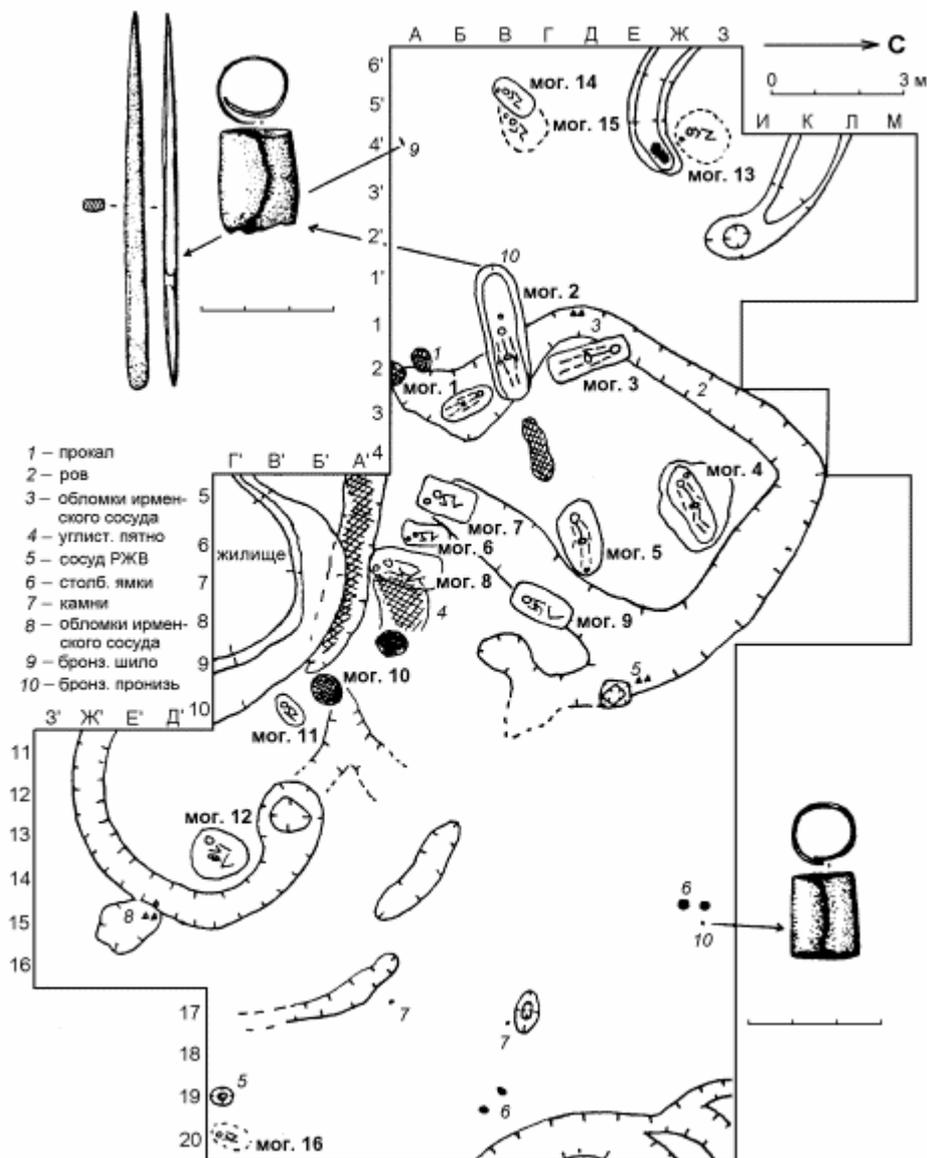

Рис.2. Схема раскопа могильника 5 МГК-1.

На площади раскопа обнаружено 16 погребений. Могилы 1–5 датируются ранним железным веком. К поздней бронзе относятся остальные.

Могилка 6 (рис. 2, 3). Подпрямоугольная яма с небольшим расширением в южной части, размерами 1?0,6–0,77 м, глубиной 0,3 м от уровня материка. Заполнение темно-серого цвета, насыщено древесным углем. На дне скорченно, на правом боку, головой на юг, лежал скелет ребенка 7–9 лет. Кисти рук перед лицом, справа от черепа стоял сосуд (рис. 5, 13).

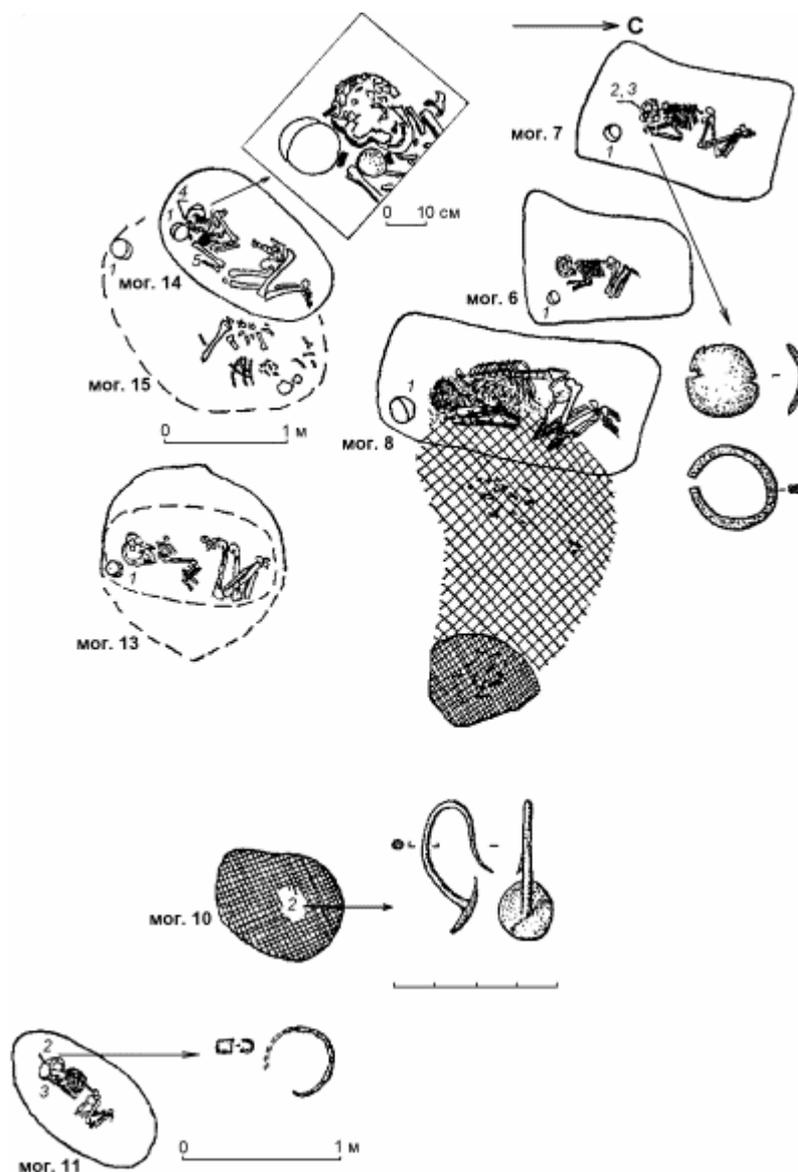

Рис. 3. Ирменские погребения могильника 5 МГК-1.
(Могилы 7, 6, 8, 10, 11 составляют ряд.)
Цифры 1–5 указывают местонахождение сосудов
и бронзовых украшений.

Могила 7 (см. рис. 2, 3). Прямоугольная яма размерами 1,25?0,8 м, глубиной 0,26 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ. Заполнение серого цвета, насыщено древесным углем. На дне скорченно, на правом боку, головой на ЮЮЗ, лежал скелет ребенка 7–9 лет. Кисти рук перед лицом, правее кистей найдено четыре человеческих зуба. Юго-восточнее головы стоял сосуд (см. рис. 5, 10). Под черепом (в районе правого виска) обнаружены бронзовая нашивка и несомкнутая бронзовая серьга (см. рис. 3).

Могила 8 (см. рис. 2, 3). Трапециевидная яма размерами 1,7?0,7–0,9 м, глубиной 0,25–0,3 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ. Заполнение черного цвета, насыщено древесным углем. Кроме того, восточная часть ямы перекрыта крупным неправильной формы прокалом размерами 2,15?1,2–0,9 м. Мощность прокала, насыщенного золой, костным и древесным углем,— 0,07 м. Заполнение прокалилось до дна. В восточной части прокала яма с пережеванными костями животных.

На дне могильной ямы скорченно, на правом боку, с кистями перед лицом, лежал скелет мужчины 18–20 лет. Практически вся верхняя половина скелета и район колен сильно обожжены, вплоть до разрушения структуры кости, но не кальцинировались и не приобрели белый цвет. Можно предположить, что огонь горел над могилой и доступа воздуха к скелету не было. Справа от черепа стоял сосуд (см. рис. 5, 11).

Могила 9 (рис. 1, 6; 2). Яма овальной формы, размерами 1,55?0,8 м, глубиной 0,3 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ. Заполнение черного цвета с древесным углем, по цвету аналогично рву. Скорее всего, было впущено в ров. На дне могилы скорченно, на правом боку, лежал скелет мужчины 45–50 лет. Правая кисть находилась перед лицом, левая рука согнута под углом 90°. Ноги также располагались не одинаково. Находок нет.

Могила 10 (см. рис. 2, 3). Яма овальной формы, размерами 0,86?0,64 м, глубиной 0,05–0,06 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ. Содержала остатки трупосожжения на стороне (под костями отсутствовал проквал). По площади могилы были равномерно рассыпаны кальцинированные кости вперемешку с древесным углем и пережженной почвой. Среди них найдены зубы человека, обломки нижней челюсти (остальные кости не определимы), а также бронзовая «гвоздевидная» серьга (см. рис. 3).

Могила 11 (см. рис. 2, 3). Яма овальной формы, размерами 1,13?0,52 м, глубиной 0,3 м от дневной поверхности. Ориентирована по оси юго-запад — северо-восток. В почвенном горизонте пятно не читалось. На дне скорченно, на правом боку, лежал скелет ребенка. Кисти рук перед лицом, около черепа найдены бронзовые пронизки, под ним — серьга в обломках (см. рис. 3).

Могилы 6, 7, 8, 10, 11 образуют один ряд, вытянутый по линии северо-запад — юго-восток; возможно, это были подкурганые захоронения, но сама насыпь из-за небольшой высоты сnivelирована распашкой. Ровик, который мог бы маркировать границы насыпи, отсутствует.

Могила 12 (рис. 2, 4). Расположена в 3 м западнее ряда. Яма подпрямоугольной формы, размерами 1,35?0,7–1,10 м, глубиной 0,35 м от дневной поверхности. Заполнение — серая супесь. На дне скорченно, на правом боку, лежал скелет женщины (?) 25–30 лет (?). Правая рука вытянута, левая — согнута под острым углом перед грудью. Ноги согнуты в коленях и заведены за спину. Рядом располагался скелет новорожденного, скорченно, на левом боку (см. рис. 4, 1). Перед лицом взрослого погребенного стоял сосуд, в котором найден обломок пластинчатого бронзового ножа (см. рис. 4, 5, 3). Под черепом, в районе правого виска, обнаружена бронзовая нашивка-бляшка, возле затылочной кости — бронзовая пронизь-накосница, второе такое изделие найдено среди фаланг пальцев (см. рис. 4, 4, 2, 6). Левая доля черепа и венчик сосуда были повреждены бороздой плуга. Могилу окружал ровик подковообразной формы, разомкнутый в северо-западной части, глубиной 0,45 м, шириной 0,6–0,8 м, его северная оконечность углублена до 0,6 м. В примыкавшей к нему яме были обломки сосуда. На правой половине черепа отсутствовала височная кость (трепанация?).

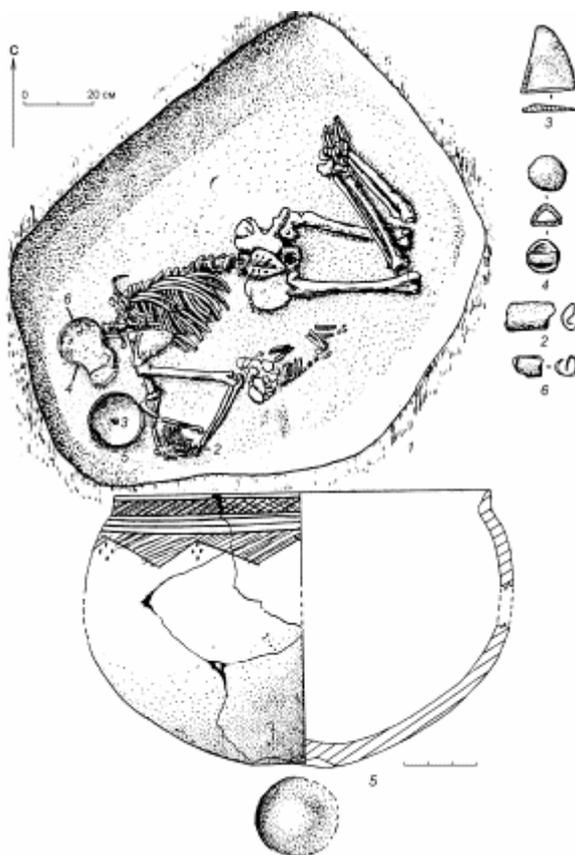

Рис. 4. План мог. 12 могильника 5 МГК-1 и находки из нее.

Могила 13 (см. рис. 2, 3). Расположена в противоположном секторе раскопа, по диагонали северо-запад — юго-восток от погребения 12. Могила также окружена ровиком (шириной до 1 м) подковообразной формы, на одной его оконечности имеется яма глубиной 0,8 м, на другой — углистое пятно с прокалом. Могильная яма округлой формы, сужающейся к овалу, углублена в материк на 0,1 м. Заполнение — серая супесь, в западной части контур нечеткий. На ее дне скорченно, на правом боку, лежал потревоженный распашкой скелет (отсутствует часть ребер и позвоночного столба), ориентированный головой на юг. Юго-восточнее черепа стоял керамический сосуд (рис. 5, 6).

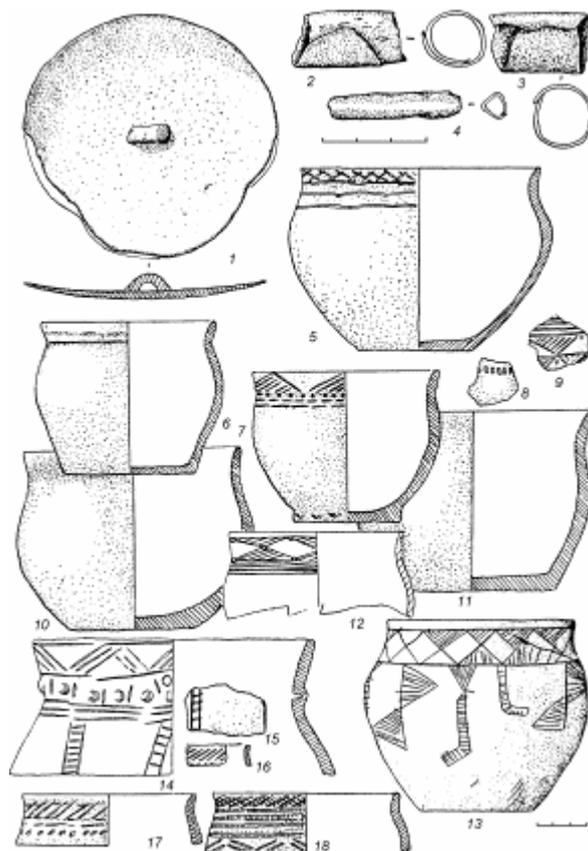

Рис. 5. МГК-1. Могильник 5. Находки из ирменских могил.

1–5 — мог. 14; 6 — мог. 13; 7 — мог. 15; 10 — мог. 7; 11 — мог. 8; 13 — мог. 6; 8, 9, 12, 14–18 — находки на площади раскопа.

Могила 14 (см. рис. 2, 3). Расположена южнее могилы 13, за пределами ровика. Яма овальной формы, размерами 1,5?0,85 м, глубиной 0,37 м от дневной поверхности и 0,07 м от уровня материка. Ориентирована по оси юго-запад — северо-восток. Заполнение серого цвета. На дне могилы скорченно, на правом боку, лежал скелет взрослого человека. Кисти рук находились перед лицом, ноги подтянуты к области живота. Погребение потревожено распашкой, отсутствуют ребра и часть позвоночного столба. Слева от черепа стоял сосуд (рис. 3; 5, 5). В районе правого плеча лежали крупная бронзовая бляха и бронзовая пронизь (рис. 5, 1, 2), вторая пронизь была около сосуда (рис. 3; 5, 3), третья на черепе (рис. 3; 5, 4).

Могила 15. По всей видимости, разрушена могилкой 14, *in situ* сохранился сосуд (рис. 5, 7), кости скелета взрослого человека смещены (сохранились обломки черепа, костей рук, ног) в восточную часть могилы, у могил 14 и 15 был один общий контур на глубине 0,30 м. Подхоронение совершено, по всей видимости, когда мягкие ткани уже разрушались.

Могила 16. Находилась в восточной части раскопа (рис. 1, 7; 2). Захоронение совершено в почвенном горизонте, контур распахан и читался на глубине 0,25 м, дно — 0,35 м. Умерший мужчина лежал скорченно, на правом боку, головой на юг. Инвентарь отсутствовал.

В 50 м к ЮЗЗ от могильника располагается поселение 3, на территории которого изучается объект, относимый нами к финальной бронзе. Здесь в настоящее время вскрыто 160 кв. м. Основную часть находок составляет керамика, найдены также костные остатки овцы, лошади, крупного рогатого скота, заготовка для псаля, черешковый наконечник стрелы и застежка из кости, зооморфная глиняная пластина.

Для орнаментальной схемы керамического комплекса этого поселения характерно преобладание резной техники и гладкого штампа, использование таких элементов, как сетка по венчику, горизонтальные прочерченные линии, заштрихованные треугольники, «жемчужник» с разделителем, несколько рядов «подвешенных» треугольников. Зафиксировано использование валика, как формованного, так и налипного. В основном это плоскодонные слабо профилированные горшки и полусферические чашки со слегка отогнутым венчиком.

Заслуживает внимания обнаружение, предположительно в центре исследуемой постройки, восьми целых сосудов. Они находились чуть ниже уровня пола и были засыпаны материковым песком. Полусферическая чашка с солярным орнаментом, в виде звезды, была закрыта другой чашей, с подтреугольным вырезом венчика. Края обреза заполированы в древности, по всей видимости, он представляет собой слив (рис. 6, 2, 5). Тут же стояла перевернутая чашка без орнамента (рис. 6, 8). В 0,3 м к юго-западу находилось три сосуда, вложенных друг в друга вверх дном (рис. 6, 4, 6, 7). Рядом со столбовой ямкой располагались два сосуда, вложенные один в другой (рис. 6, 1, 3). Сверху эту группу керамических изделий перекрывал слой прокаленного песка, скопление керамики и куски обожженной глины.

Особое значение этого местонахождения объясняется тем, что подобные сосуды — небольшие полусферические чашки без орнамента и орнаментированные зигзагом — характерны для погребальной посуды большебереченской культуры (VIII–VI вв. до н. э.) [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996, рис. 8, 9; Грязнов, 1956, табл. XIX]. Установка сосудов вверх дном как традиция зафиксирована в комплексах переходного времени в грунтовых могильниках Алтая: Фирсово-XIV, Осинки, Бобровка. Ярким примером подобной практики из сопредельных регионов является Чудская Гора, интерпретируемая как жертвенное место [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 85, рис. 30]. На сакральный характер и связь с погребальным ритуалом исследуемого нами сооружения поселения 3 МГК-1 указывает идентичность одного из сосудов (рис. 6, 9) сосуду из могилы 12 могильника 5 (см. рис. 4, 5), расположенного в 50 м к СВВ.

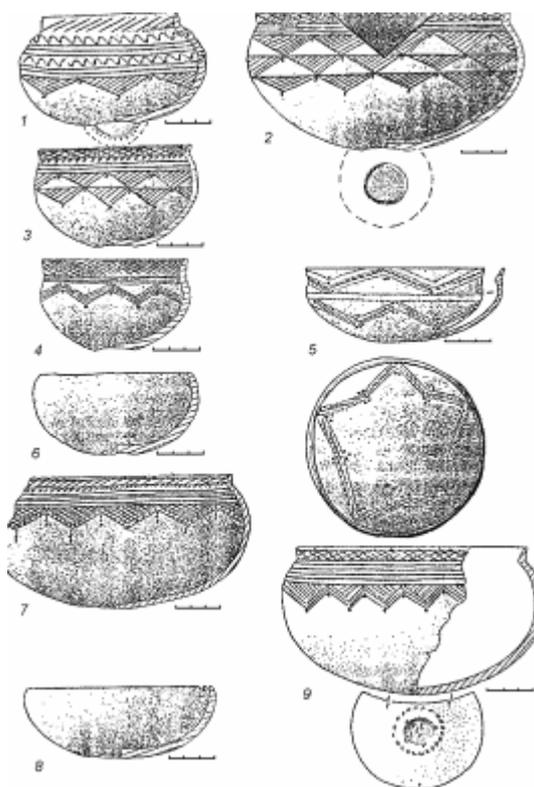

Рис. 6. Сосуды поселения 3 МГК-1.

Погребальный обряд исследуемого могильника относительно устойчив. Захоронение производилось в скорченном положении на правом боку, головой в юго-западный сектор, в могильной яме, сооруженной в почвенном горизонте или врезанной в материк до 0,3 м. Сосуды устанавливались перед лицом или за головой. В двух случаях зафиксирован ровик. Как уже отмечалось, могилы 6, 7, 8, 10, 11 образуют один ряд, вытянутый по линии северо-запад — юго-восток, и не исключается, что они были подкурганые, но насыпь сnivelирована распахкой. Могилы 12 и 13, обнесенные подко-вообразными ровиками, как бы ограничивают могилы 6, 7, 8, 10, 11 соответственно с северо-запада

и юго-востока. На это указывает разомкнутость рвов в сторону данного ряда. Возможно, могилы 12–15 были сооружены позднее, этим можно объяснить своеобразие керамики из них (см. рис. 5, 5–7).

Особенностью этой группы могил является яркое свидетельство культа огня. Погребение 10 — полная кремация, могилу 8 перекрывал мощный прокол, и скелет был обожжен. Использование огня в погребениях поздней бронзы известно на соседних территориях. В ирменских погребениях Барабы встречена одна кремация и в нескольких случаях следы огня [Молодин, 1985, с. 135]. На ирменском могильнике Е.К.-II В. И. Матющенко проследил 18 случаев применения огня: как частично обожжения, так и полного сожжения [1974, с. 123]. В Журавлево-4 и Сапогово в Кузнецкой котловине огонь занимал значительное место в погребальной традиции [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 82; Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, с. 202]. В Новосибирском Приобье кремация и разведение костра над могилой отмечены в Милованово-1 [Новикова, 1995, с. 49]. В алтайских памятниках следы огня довольно редкое явление, но в могильнике Плотинная они прослежены в пяти случаях, зафиксирована также кремация в курганном могильнике Новотроицк [Уманский, 1997, с. 14] и Телеутский Взвоз I [Папин, Тишкин, 1998].

Два захоронения, 9 и 16, находились в стороне от основной группы погребений, им близки такие же безынвентарные могилы 5 и 25 могильника 1 и могила 2 могильника 2 (скелет лежал на подстилке из березовой коры) (рис. 1, 3–7).

В целом приведенные признаки погребального обряда характерны для ирменской и больше-реченской культур переходного времени Алтая [Шамшин, 1992].

Инвентарь позднебронзового комплекса могильника 5 МГК-1 представлен бронзовыми изделиями и керамикой. С площади раскопа происходят две пронизи и шило (см. рис. 2). В погребениях найдены бляшки, пронизи, сережки, гвоздевидная серьга, обломок ножа, бляха (см. рис. 3; 4; 5, 1–4).

Этот материал стандартен для ирменской культуры Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины, в меньшей степени для больше-реченской культуры переходного времени Алтая [Грязнов, 1956, табл. V; Уманский, Демин, 1974а; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; и др.]. Привлекает внимание крупная бляха из могилы 14, находившаяся в районе правого плеча (см. рис. 3). Она слегка выпуклая, с петелькой на обороте, диаметром 7 см (см. рис. 5, 1). Подобные находки известны в могильниках Милованово I (располагалась под нижней челюстью, с остатками косы) [Новикова, 1995, рис. 4, 20], Журавлево-4 (в районе поясицы) [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, рис. 25, 9], Сапогово (под нижней челюстью, около ключицы) [Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, рис. 16], Еловском могильнике-II [Матющенко, 1974, рис. 74]. Вопрос об интерпретации этого изделия до конца не решен. Примечательна традиция помещения обломка ножа в сосуд; кроме вышеперечисленных памятников, подобный случай зафиксирован в могильнике Ордынское 1г, относимом А. В. Матвеевым к позднеирменскому этапу [1993, с. 92].

Керамическая серия из погребений представлена небольшими профилированными плоскодонными горшками, исключение составляет полусферическая чашка из могилы 12 (см. рис. 4, 5). В целом эта керамика соответствует погребальной посуде ирменской культуры [Уманский, Демин, 1974б; Молодин, 1985; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993]. Но есть определенные отличия: обедненность и снижение содержания геометрических мотивов в декоре. Своеобразны сосуды из могил 12–15: воротничок по венчику, орнаментация придонной части, резкий переход от венчика к тулову, тулово не орнаментировано (см. рис. 5, 5–7). Возможно, это указывает на их более позднюю дату по сравнению с горшками из могил 6–8 (см. рис. 5, 10, 11, 13), что подтверждается планиграфией могильника. На связь поселения 3 МГК-1 и части погребений могильника 5 МГК-1 указывает керамика (см. рис. 4 и 6, 9; 5, 17 и 6, 7).

Таким образом, на памятнике Малый Гоньбинский Кордон-1, поселение 3 и могильник 5, мы имеем два комплекса финальной бронзы: ирменский (могильник 5, погр. 6–8, 10, 11) и позднеирменский (поселение 3; могильник 5, погр. 9, 12–16), отражающий начальный этап формирования больше-реченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Литература

- Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 157 с.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА. 1956. № 48. 256 с.
- Илюшин А. М., Ковалевский С. А., Сулейменов М. Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово, 1996. 204 с.
- Кунгуров А. Л. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-1 // Актуальные вопросы истории Сибири (Научные чтения памяти А. П. Бородавкина). Барнаул, 1998. С. 267–272.
- Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 181 с.
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура. Томск, 1974. 196 с.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 126 с.

Новикова О. И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995. С. 41–52.

Папин Д. В., Тишкин А. А. Ирменский комплекс памятника Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. С. 365–368.

Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995. 207 с.

Уманский А. П. Новотроицкие курганы // Нижнее Причумышье (очерки истории и культуры). Тальменка, 1997. С. 14–25.

Уманский А. П., Демин М. А. Бронзовый инвентарь эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974а. С. 3–14.

Уманский А. П., Демин М. А. Керамика карасукского могильника у ст. Плотинная // Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974б. С. 3–18.

Шамшин А. Б. Погребальный обряд Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы и переходное время // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 2. С. 103–106.

Шамшин А. Б., Фролов Я. В., Медникова Э. М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 69–88.

Шмидт А. В. Культовый комплекс Малый Гоньбинский Кордон-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 61–64.

Барнаул, Алтайский государственный университет